

Ги де Мопассан

П О Л Н О Е
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ДВЕНАДЦАТИ ТОМАХ

ТОМ

2

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК»
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
МОСКВА • 1958

РАССКАЗЫ ВАЛЬДШНЕПА

ПЬЕРО

Анри Ружону.

Г-жа Лефевр, деревенская дама, вдова, была одной из тех полубарынь-полукрестьянок в лентах и шляпках с оборками, одною из тех особ, которые манерно коверкают слова, чванно держатся на людях и под смехотворными шутовскими манерами скрывают свою животную сущность, точь-в-точь так же, как прячут свои красные ручищи под перчатками из небеленого шелка.

У нее была прислуга, честная простая крестьянка по имени Роза.

Женщины жили в домике с зелеными ставнями у самой дороги, в Нормандии, в центре области Ко.

Перед их домом был узенький садик, в котором они разводили кое-какие овощи.

И вот однажды ночью у них украли дюжину луковиц.

Как только Роза заметила покражу, она тотчас же побежала сообщить об этом хозяйке, и та спустилась в сад в одной шерстяной юбке. Отчаяние и ужас! Обокрали! Г-жу Лефевр обокрали! Значит, в округе завелись воры и они могут прийти еще раз!

Испуганные женщины разглядывали следы ног, трещали без умолку, строили предположения.

— Видите, они пробрались вон там. Вскочили на стену, потом спрыгнули на грядку.

И они приходили в ужас при мысли о будущем. Разве можно теперь спать спокойно!

Слухи о краже распространились. Соседи приходили, воочию убеждались в случившемся и обсуждали со своей стороны происшествие, а обе женщины высказывали свои наблюдения и догадки каждому новому посетителю.

Фермер, живший по соседству, дал им совет:

— Вам следует завести собаку.

Это правильно: им нужна собака хотя бы для того только, чтобы разбудить их в нужную минуту. Разумеется, не бог знает какой огромный пес! На что им большая собака! Разоришься на один прокорм. Нет, им нужна маленькая, брехливая собачка, которая бы только тьякала.

Когда все ушли, г-жа Лефевр долго обсуждала вопрос о собаке. Пораздумав, она нашла множество возражений: ее пугала мысль о собачьей плошке, наполненной похлебкой; ведь она была из той породы скопидомных деревенских дам, которые всегда носят в кармане несколько сантимов, для того чтобы лицемерно подавать милостыню нищим на дорогах и класть по воскресеньям в церковную кружку.

Роза, любившая животных, привела свои доводы и искусно защитила их. Итак, было решено достать собачку, совсем малюсенькую.

Принялись за поиски, но попадались все только большие собаки, обжоры, приводившие их в ужас. У бакалейщика из Рольвиля была маленькая собачка, но он требовал за нее целых два франка — на покрытие издержек по ее воспитанию. Г-жа Лефевр объявила, что она согласна еще кормить собаку, но платить за нее деньги не намерена.

Булочник, посвященный во все эти дела, привез однажды утром в своей тележке необыкновенное маленькое животное желтого цвета, почти без лап, с туловищем крокодила, лисьей головкой и с загнутым наподобие трубы хвостом — настоящим султаном, длинной со все остальное туловище. Один из покупателей булочника хотел от него отделаться. Г-жа Лефевр нашла прелестной эту безобразную моську, которую ей отдавали даром. Роза расцеловала ее и спросила, как ее зовут. Булочник ответил:

— Пьеро!

Собаку поместили в старом ящике из-под мыла и прежде всего дали ей воды. Она выпила. Затем ей предложили кусок хлеба. Она съела. Г-жа Лефевр обеспокоилась, но подумала: «Когда привыкнет к дому, будем выпускать ее. Она сама съест себе еду, бегая по деревне».

Собаку действительно выпустили на свободу, но это не помешало ей оставаться голодной. В общем, она лаяла только тогда, когда требовала пищи, но в этих случаях лаяла с ожесточением.

Входить в садик мог кто угодно. Пьеро ласкался к каждому и совсем не лаял.

Между тем г-жа Лефевр привыкла к собаке. Она даже полюбила ее и стала время от времени давать ей из рук куски хлеба, обмакнув их в соус своего рагу.

Но она совершенно упустила из виду собачий налог, и когда с нее потребовали восемь франков — целых восемь франков, сударыня! — за эту ничтожную собачонку, которая почти не лает, она от волнения чуть не упала в обморок.

Тотчас же было решено избавиться от Пьеро. Но никто не хотел его брать. Все жители на десять лье вокруг отказались от него. Тогда, за неимением другого выхода, было решено «угостить его мергелем».

Мергелем «угощали» всех собак, от которых хотели избавиться.

Посреди широкой долины виднеется нечто вроде шалаша или, скорее, низенькая соломенная крыша, касающаяся земли. Это вход в мергельную ломку. Глубокий отвесный колодезь уходит под землю на двадцать метров и заканчивается рядом длинных рудничных галерей.

В эту шахту спускаются раз в год, в то время, когда поля удобряют мергелем. Все остальное время она служит кладбищем для обреченных на гибель собак; когда случается проходить мимо отверстия, до вас нередко доносится жалобное завывание, озлобленный или отчаянный лай, скорбный, призывный вопль.

Охотничьи и пастушьи собаки с ужасом отбегают от края этой стонущей дыры, а если наклониться над ней, оттуда тянет тошнотворным запахом разложения.

Ужасные драмы разыгрываются там, в темноте.

В то время как собака в течение десяти — двенадцати дней издыхает на дне ямы, питаясь отвратительными останками своих предшественников, туда вдруг сбрасывают новое, более крупное и, следовательно, более сильное животное. Они остаются там один на один, голодные, с горящими глазами, следят друг за другом, подкарауливают одна другую, полные нерешительности и тревоги. Но голод подстрекает их, они бросаются друг на друга; они борются долго, с ожесточением, и более сильная съедает более слабую, пожирает ее живьем.

Когда было решено «угостить» Пьеро мергелем, стали искать исполнителя этого плана. Каменщик, работавший на шоссе, потребовал десять су. По мнению г-жи Лефевр, это было безумно дорого. Соседский батрак соглашался ограничиться пятью су, но и это казалось не по средствам. Наконец Роза заметила, что лучше бы снести собаку им самим, потому что в этом случае ее не будут бить дорогой и она не почует ожидающей ее участи, и было решено, что они отправятся сами с наступлением ночи.

Собаке дали в этот вечер вкусную похлебку, заправленную маслом. Она съела все до последней капли и виляла хвостом от удовольствия. Роза взяла ее и вернула в свой фартук.

Они шли по долине, торопливо шагая, словно мародерки. Вскоре заметили ломку и подошли к ней; г-жа Лефевр нагнулась послушать, не стонет ли там какое-нибудь животное. Нет. Там никого не было. Пьеро будет один. Тогда Роза, обливаясь слезами, поцеловала его и бросила в яму, затем они обе нагнулись, прислушиваясь.

Они услышали сначала глухой звук падения и душераздирающий, жалобный вой ушибленного животного, потом слабые, болезненные взвизгивания и, наконец, отчаянный лай, мольбу собаки, которая взывала о помощи, подняв голову к отверстию.

Она лаяла, о, как она лаяла!

Женщины были охвачены угрызениями совести, ужасом, безумным и необъяснимым страхом; они обратились в бегство. И так как Роза бежала быстрее, г-жа Лефевр кричала ей вслед:

— Подождите меня, Роза, подождите меня!

Ночью их преследовали ужасные кошмары.

Г-же Лефевр снилось, будто она села за стол есть суп, но когда она открыла миску, там сидел Пьеро. Он выскочил и укусил ее за нос.

Она проснулась, и ей показалось, что он еще лает. Она прислушалась: нет, кругом тихо.

Г-жа Лефевр снова заснула и очутилась на большой дороге, на бесконечной дороге, по которой она идет. Внезапно посреди пути она увидела брошенную корзину, большую корзину, какие бывают у фермеров, и эта корзина испугала ее.

В конце концов она все же открыла ее, и Пьеро, притаившийся там в уголке, ухватил ее за руку и не отпускал; в страхе она бросилась бежать, таща за собою собаку, которая повисла на руке, крепко в нее вцепившись...

На рассвете г-жа Лефевр проснулась, почти обезумев, и побежала к мергельной ломке.

Собака лаяла, все еще продолжала лаять; она пролаяла всю ночь. Г-жа Лефевр заплакала и стала звать ее всевозможными ласкательными именами. Пьеро отвечал ей нежными переливами своего собачьего голоса. Тогда ей захотелось снова увидеть его, и она дала себе обещание сделать его счастливым до самой смерти.

Она побежала к колодезному мастеру, занимавшемуся ломкой мергеля, и рассказала ему, в чем дело. Тот слушал ее молча. Когда она кончила, он сказал:

— Вы хотите достать собачку? Это будет стоить четыре франка.

Она так и привскочила; все ее горе рассеялось вмиг.

— Четыре франка! Да вы с ума сошли! Четыре франка!

Он отвечал:

— А вы думаете, что я понесу туда свои веревки, свой ворот, установлю его там, спущусь вниз с мальчишкой и дам себя еще, пожалуй, искушать вашей проклятой собачонке ради того только, чтобы вам ее вернуть? Нечего было бросать ее туда.

Она ушла в негодовании. Четыре франка!

Придя домой, она тотчас позвала Розу и рассказа-

ла ей о требовании колодезного мастера Роза, покорная, как всегда, повторяла:

— Четыре франка! Это большие деньги, сударыня.

Затем прибавила:

— Не бросить ли туда чего-нибудь поесть бедной собачке, чтобы она не издохла с голода?

Г-жа Лефевр с радостью согласилась, и вот они опять отправились в путь, захватив огромный кусок хлеба, намазанный маслом.

Разрезав хлеб на мелкие кусочки, они бросали его собачке один за другим и по очереди разговаривали с ней. Как только Пьеро приканчивал кусок, он принимался лаять, требуя нового.

Они снова пришли вечером, потом на другой день и стали приходить ежедневно, но уже только один раз в сутки.

И вот как-то утром, когда они бросили вниз первый кусок хлеба, они услышали вдруг страшный лай из колодца. Их было там двое! В яму бросили другую собаку, и притом большую!

Роза закричала: «Пьеро!» — и Пьеро лаял, лаял. Тогда они стали бросать еду, но всякий раз ясно различали шум страшной борьбы, а затем жалобные взвизгивания Пьеро, укушенного своим товарищем, который съедал все, будучи более сильным.

Напрасно они старались пояснить; «Это для тебя, Пьеро!» Их собаке, очевидно, ничего не доставалось.

Женщины в замешательстве переглянулись, и г-жа Лефевр сказала с досадой:

— Не могу же я, однако, кормить всех собак, которых туда побросают! Придется от этого отказаться.

И, задыхаясь от негодования при мысли о всех этих собаках, живущих на ее счет, она удалилась, унося с собой оставшийся хлеб, который и принялась есть по дороге.

Роза последовала за нею, утирая глаза кончиком своего синего передника.